

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.01

Дата поступления: 30.12.2020
рецензирования: 04.02.2021
принятия: 26.02.2021

**О ювенальном направлении уголовной политики Республики Казахстан:
исторические предпосылки и проблемы развития**

М. М. Мырзаш

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mnpoge@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрена парадигма ювенального направления уголовной политики Республики Казахстан, раскрыты его исторические предпосылки и проблемы развития. Описываются особенности судебной системы биев в казахском обществе до середины XVIII века. Исследуются характеристики применения уголовного наказания к несовершеннолетним после присоединения казахских ханств к Российской империи в XVIII–XIX веках. Сделан вывод о преемственности основ ювенальной юстиции в дореволюционной и постреволюционной России и современном Казахстане. Подтверждена неэффективность дальнейшего снижения возраста привлечения к уголовной ответственности, а также традиционных мер наказаний, предусматривающих лишение или ограничение свободы несовершеннолетних. Защищается идея ресоциализации несовершеннолетних, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него. В целях ресоциализации рекомендовано расширение практики альтернативных наказаний без изоляции от общества, связанных с трудовым воздействием, а также внедрение probation с трудовым воздействием в отношении несовершеннолетних в Республике Казахстан.

Ключевые слова: институт биев; ювенальная юстиция Казахстана; альтернативные наказания; наказания, связанные с трудовым воздействием; probation; ресоциализация несовершеннолетних.

Цитирование. Мырзаш М. М. О ювенальном направлении уголовной политики Республики Казахстан: исторические предпосылки и проблемы развития // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 1. С. 120–125. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-1-120-125>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Мырзаш М. М., 2021

Мухтар М. Мырзаш – аспирант Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Российская Федерация, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 30.12.2020
Revised: 04.02.2021
Accepted: 26.02.2021

**About the juvenile direction of criminal policy of the Republic of Kazakhstan:
historical background and development issues**

M. M. Myrzash

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: mnpoge@mail.ru

Abstract: The article considers the paradigm of the Republic of Kazakhstan's juvenile criminal policy, reveals its historical background and development problems. The article describes the features of the «Biy» judicial system in the Kazakh society up to the middle of the XVIII century. The article examines the characteristics of applying criminal punishment to juveniles after the accession of the Kazakh khanates to the Russian Empire in the XVIII–XIX centuries. The conclusion is made about the continuity of juvenile justice foundations in pre-revolutionary and post-revolutionary Russia and modern Kazakhstan. The article confirms the ineffectiveness of further lowering the age of criminal responsibility, as well as traditional punishments that provide for the deprivation or restriction of liberty of juveniles. The idea of re-socialization of juveniles who have served a criminal sentence and are released from it is defended. To re-socialize, it is recommended to expand the practice of alternative punishments without isolation from society related to labor impact and the introduction of probation with labor impact concerning juveniles in the Republic of Kazakhstan.

Key words: institute of «biys»; juvenile justice of Kazakhstan; alternative punishments; punishments related to labor impact; probation; re-socialization of juveniles.

Citation. Myrzash M. M. *O iuvenal'nom napravlenii ugovolnoi politiki Respubliki Kazakhstan: istoricheskie predposylki i problemy razvitiia* [About the juvenile direction of criminal policy of the Republic of Kazakhstan: historical background and development issues]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 1, pp. 120–125. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-1-120-125> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Myrzash M. M., 2021

Mukhtar M. Myrzash – postgraduate student, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

История становления ювенальной юстиции в Республике Казахстан тесно связана с исследованием историко-правовых аспектов развития российской ювенальной юстиции. Знание предмета исследования в историческом и сравнительно-правовом аспекте открывает перспективы понимания сущности, проблем развития и эффективности ювенальной юстиции как особой комплексной правовой системы (материально-правовой и процессуально-правовой).

В настоящее время модели казахстанской и российской ювенальной юстиции имеют много общего, при этом они недостаточно научно обоснованы и действуют весьма фрагментарно.

Было время, когда казахское право испытывало воздействие не советского и православного российского, а обычного и мусульманского права. А. Левшин в этнографическом известию, подготовленном в 1932 г., осветил киргиз-кайсацкое (нынешнее казахское) обычное право (Адат), начавшее свое действие в период существования Золотой Орды (XII–XV века). Адат применялся как главный источник права, исходящий из обычаев и норм делового оборота общества, и устанавливал совершеннолетие либо с 13, либо с 15 лет [1, с. 76]. Это правило основано на мусульманском праве с условием о непротиворечивости шариату, где взросление делилось на 3 периода. Первый период: с рождения до 7 лет, когда допускалась только гражданская ответственность. Второй период: с 7 до 15 лет. В этом возрасте за совершение противоправного деяния предусматривалась ответственность в виде уплаты выкупа потерпевшему или его семье, также могли применяться меры по надзору и исправлению. Третий период: с 15-летнего возраста, когда лицо считалось способным нести все виды ответственности за совершенные деяния. Совершеннолетний имел право вступать в брак, владеть и распоряжаться имуществом; мужчины участвовали в военных походах и претерпевали наказание за противоправное деяние. Адат не знал уголовного преследования, лишения свободы и тюрем (зинданов), подземных камер заключения, членовредительских наказаний и оскорбляющих личность постановлений; относил меру наказания в виде смертной казни к компетенции общего собрания народа (улуса, родового объединения); предусматривал имущественные, неимущественные, позорящие, примирительные и иные формы наказаний, а также ответственность в форме брачных сделок [2, с. 166]. Предусматривался принцип коллективной ответственности преступника, его семьи, родственников или родового объединения перед потерпевшим или его семьей; допускались закрытые судебные заседания; практиковалось участие старейшин родовых объединений в качестве представителей истца и ответчика; при наличии у одной из сторон подозрения в

беспристрастии бия (судьи) разрешался его отвод от рассмотрения спора [2, с. 169]. За совершение тяжкого преступления к несовершеннолетним применялась отсрочка исполнения наказания до совершеннолетия.

После присоединения казахских ханств к Российской империи в XVIII–XIX веках началась глубокая интеграция культурных, экономических и военных отношений. Влияние юридической доктрины Российской империи стало преобладающим, и на территории современного Казахстана в оборот была введена российская модель правосудия.

В целях дифференциации уголовного наказания несовершеннолетним в главе V Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. различались возраст малолетства от 7 до 10 лет и возраст несовершеннолетия, соответственно, от 10 до 14 лет, от 14 до 21 года. Уложение признавало несколько оснований, устраняющих уголовную ответственность: случайность, малолетство, безумие, сумасшествие, беспамяństwo, ошибки, принуждения, непреодолимую силу и необходимую оборону. Практиковалось раздельное содержание несовершеннолетних лиц мужского и женского пола в тюрьмах с отделением их от взрослых преступников. Несовершеннолетние за проступки отдавались родителям, благонадежным родственникам, духовным или священнослужителям для строгого за ними присмотра, исправления и наставления; за преступления выслались в монастыри, смирительные дома на перевоспитание от 5 до 8 лет и др. Виды и сроки наказания судом по приговору назначались в зависимости от степени совершенного деяния, возраста подсудимого, физического здоровья, учитывались возможности территориального исправительного учреждения для принятия осужденного с целью исполнения приговора [3, с. 44].

Достижения технического прогресса XIX века породили новые экономические отношения, усилилось имущественное неравенство, изменились привычные условия жизни общества. Наблюдался небывалый рост преступности, в том числе несовершеннолетних (совершали кражи, групповые грабежи, пускали поезда под откос и др.).

Потребности государства для разрешения на основе закона социальных конфликтов между государством и гражданами, а также самими гражданами, включая несовершеннолетних, обусловили новые подходы к организации судебной деятельности. Э. Б. Мельникова отмечает, что российская модель ювенальной юстиции образца 1910 г. была перспективной. Ее сильными сторонами являлись: создание первого автономного суда по делам несовершеннолетних в 1917 г. в Санкт-Петербурге; рассмотрение дел о несовершеннолетних единолично судьей; избрание судьи, как и любого ми-

рового судьи, среди населения, проживающего в судебном округе; наличие профессиональной подготовки судьи со знанием детской психологии, в результате предпочтение отдавалось врачам и педагогам; широкая предметная подсудность данного суда; отсутствие гласности судебного разбирательства и формального судебного процесса, в том числе обвинительного акта и судебной защиты; упрощенная судебная процедура, сводившаяся в основном к беседе судьи с несовершеннолетним подсудимым, при участии попечителя; практиковалось воздействие на несовершеннолетних через попечительский надзор; обжалование решения суда по делам о несовершеннолетних в особое отделение съезда мировых судей (апелляционная инстанция на решения мировых судей); открытие аналогичных судов в Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Риге, Томске, Саратове [4].

Декрет Совнаркома России № 16 от 17 января 1918 г. изменил уголовную политику, автономные суды по делам несовершеннолетних были упразднены, рассмотрение таких дел стало компетенцией комиссии Наркомата. Эти комиссии освобождали несовершеннолетних обоюбого пола до 17 лет от наказания и направляли их в одно из «убежищ» Наркомата; в составе комиссии обязательно участвовал врач, а не юрист [5]. Рассмотрение вопросов о несовершеннолетних, в том числе совершивших серьезные преступления, без участия юристов в комиссиях нарушало правовую защищенность детей и подростков и не способствовало предупреждению новых преступлений. С целью улучшения работы комиссии по делам несовершеннолетних 30 июля 1920 г. была введена Инструкция о работе комиссии о несовершеннолетних. Инструкция представляла собой медико-психологический и педагогический документ, отражающий общую ориентацию уголовной политики в отношении несовершеннолетних. Вместе с тем допускалась передача дел несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет в народный суд, при условии что комиссия о несовершеннолетних установит невозможность применения к ним медико-педагогического воздействия.

При этом в советском государстве модель ювенальной юстиции свое развитие не получила. Это подтверждается развитием репрессивного начала уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних. Постановлением № 3/598 Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального исполнительного комитета СССР от 7 апреля 1935 г. возраст привлечения к уголовной ответственности был снижен до 12 лет, предусматривалось применение всех видов наказаний к несовершеннолетним, включая смертную казнь [6]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1941 г. «О применении судами Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» введена ответственность не только за умышленные преступления, но и за преступления, совершенные по неосторожности. Усиление

уголовной ответственности коснулось и подстрекателей несовершеннолетних. Данные положения сохраняли свое влияние до новой кодификации 1958–1961 гг. Но и после кодификации, смягчившей в целом нормы законодательства о несовершеннолетних, идеи ювенальной юстиции не были востребованы.

В постсоветский период «стартовой ситуацией» для ювенальной юстиции в Республике Казахстан стал Указ Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева от 20 сентября 2002 г. № 949 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан», в котором предусмотрены: 1) законодательное урегулирование вопросов защиты прав несовершеннолетних; 2) исключение применения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой тяжести, и сужение сферы применения лишения свободы в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления средней тяжести; 3) развитие уголовной политики в направлении гуманизации в отношении несовершеннолетних, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, вместе с тем объективное ее ужесточение в случае совершения тяжких и особо тяжких преступлений скрывающихся от уголовного преследования, а также при рецидиве преступлений; 4) главный приоритет в деятельности правоохранительных органов – защита прав и свобод несовершеннолетних, профилактика детской безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних с активным участием населения; 5) необходимое принятие соответствующего законодательного акта, способствующего не только повышению ответственности должностных лиц за результаты работы с несовершеннолетними, но и четко регламентирующего их права и обязанности в выполнении ими своих задач и функций; 6) совершенствование национальной судебной системы по делам несовершеннолетних.

Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), 1985 г. были имплементированы в Конституцию и иное законодательство Казахстана. В областях и городах республиканского значения функционируют 19 ювенальных судов, в штат которых включены квалифицированные инспекторы-психологи.

Недостатком ювенального направления уголовной политики Казахстана следует признать неразработанность ресоциализационных мероприятий в отношении несовершеннолетних, как отбывающих уголовное наказание, так и отбывших такое наказание. В действующей редакции Уголовного кодекса Казахстана в статьях об уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних не упоминается цель ресоциализации. В Уголовно-исполнительном кодексе Казахстана, где отражены основные параметры развития уголовно-исполнительной системы в Казахстане, ее результативность и эффективность также не свя-

заны с ресоциализацией осужденных. При этом основными целями уголовно-исполнительного законодательства провозглашены исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений, а среди задач названы охрана прав, свобод и законных интересов осужденных, оказание им помощи в социальной адаптации. Соответственно, уголовно-исполнительное законодательство обязывает администрацию учреждения содействовать в трудовом и бытовом устройстве освобождаемых несовершеннолетних осужденных, а также предоставлять им другие виды социальной помощи. В целях социальной адаптации предусмотрено выделение квот рабочих мест для лиц, освобожденных из исправительных учреждений, а также поощряются физические и юридические лица, их трудоустройствающие. Однако уголовно-исполнительное законодательство прямо не регламентирует и не устанавливает объем выделяемых квот рабочих мест для лиц, освобо-

жденных из мест лишения свободы, несовершеннолетних в частности. Обеспечение рабочими местами отнесено к компетенции региональных органов исполнительной власти, действующих на основании Закона «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан». Анализ постановлений региональных органов исполнительной власти показывает, что удельный вес рабочих мест для осужденных не превышает 3 % от общей численности рабочих мест на предприятиях, в организациях и учреждениях всех форм собственности.

Цели и задачи Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Казахстана в отношении несовершеннолетних являются трудно достижимыми. Однако судьи вынуждены назначать несовершеннолетним уголовное наказание в виде лишения свободы, когда опасность совершенных ими преступлений велика. Это подтверждается статистикой судимостей несовершеннолетних, отраженной в таблице.

Таблица

Сведения об осужденных несовершеннолетних в 2015–2020 гг. в Республике Казахстан

Table

Information about convicted minors in 2015–2020 in the Republic of Kazakhstan

№	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.*
Общее количество несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности	3338	3343	3156	3156	2824	1534
Из них в возрасте от 14 до 15 лет	689	693	654	724	566	299
Из них в возрасте от 16 до 17 лет	2649	2650	2502	2432	2558	1235
Из них женского пола	308	279	220	242	193	125
Из них учащиеся в учебных заведениях	2036	2043	1835	1839	1808	901
Из них не работающих, не учащихся	1226	1274	1297	1268	959	617
Из них совершивших преступление в группе, с участием совершеннолетних	544	536	495	503	443	215
Из них состоявшие на учете местной полицейской службы	173	359	421	329	360	179
Общее количество несовершеннолетних, осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы	43	59	24	40	64	37
Средний удельный вес несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных к альтернативным мерам наказания, не связанным с лишением свободы в учитываемый год	1,29 %	1,76 %	0,76 %	1,27 %	2,27 %	2,41 %

* Статистические данные по состоянию на октябрь 2020 года [7].

Следует признать, что государственная власть понимает безрезультатность применения к несовершеннолетним наказаний с высоким карательным наполнением. Это подтверждается относительно небольшими показателями о количестве осужденных несовершеннолетних за последние 5 лет в Республике Казахстан, приведенными в таблице, а также тем, что сокращается число исправительных учреждений для несовершеннолетних осужденных. Например, в Казахстане в городе Алматы функционирует всего одна воспитательная колония ЛА-155/6 с 49 осужденными несовершеннолетними мужского пола [8]. Также есть женская колония ЛА-155/4 в Алматинской области, в которой работает специальный приемник для несовершеннолетних женского пола, где содержатся две несовершеннолетние осужденные [9]. Размещение в таких исправительных учреждениях рассматривается в качестве «последнего рычага» воздействия на совершивших особо дерзкие преступления.

К сожалению, наказания, альтернативные лишению свободы, недостаточно используются судами. Согласно данным Информационного сервиса Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Казахстана за последние 5 лет, средний удельный вес осужденных к альтернативным мерам наказания, не связанных с лишением свободы, не превышает 3 %.

Отбытие наказания в местах лишения свободы сильно влияет на психологическое состояние несовершеннолетних, и без того повышенная эмоциональная ранимость подростков усугубляется, что само по себе не приводит к снижению уровня несовершеннолетней преступности.

С целью улучшения ситуации необходимо понижать репрессивное содержание уголовной политики в отношении несовершеннолетних, что должно быть компенсировано активной и реальной ресоциализационной уголовной политикой [10]. Под ресоциализацией здесь понимается комплекс мер, направленных на возвращение осужденных к жизни в обществе с готовностью и навыками соблюдения социальных и правовых норм.

Считаем, что ресоциализационный процесс невозможен без уголовного наказания. Если нет принудительных начал, то ресоциализационные инструменты могут восприниматься несовершеннолетними преступниками как беспричинные и необязательные. Вместе с тем наказание не может признаваться ядром ресоциализационного процесса. Специфичность этого процесса в основном вы-

ражают воспитательные, криминологические и социально-экономические начала. Соответственно, необходимо комплексное совершенствование Уголовного, Уголовно-исполнительного Кодексов; Закона Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 38-VI ЗРК «О пробации»; Приказа министра внутренних дел Республики Казахстан от 18 августа 2014 г. № 517 «Об утверждении Правил взаимодействия служб пробации и подразделений полиции по контролю за поведением лиц, состоящих на учетах служб пробации»; Закона Республики Казахстан от 9 июля 2004 г. № 591 «О профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и предупреждении детской безнадзорности и беспризорности».

Для целей ресоциализации осужденных несовершеннолетних необходимы: учет психологических особенностей личности; достойные образование и медицинская помощь; проведение разъяснительно-воспитательной, психолого-педагогической и правовой работы; укрепление социальных и семейных связей; мотивация к достижению жизненных целей; поддержка родителей, друзей и родственников; привлечение к общественно полезному и гуманному труду по месту проживания; и др.

Также поддерживаем идею активного расширения полномочий службы пробации с организацией многоотраслевых промышленных предприятий в областных центрах Республики, осуществляющих свою деятельность по следующим направлениям: швейному производству (спецодежда, форменное обмундирование для силовых структур), цеху по пошиву обуви, вязальному цеху, цеху по производству мясных и рыбных консервов, каш, хлебопечкарне, цеху по закваске овощей, цеху по производству сухофруктов.

Современный Казахстан выбрал приоритетным направлением государственной социальной политики обеспечение и соблюдение прав несовершеннолетних, в том числе попавших в сферу отправления правосудия по уголовным делам. Следует признать, что отбытие наказания в местах лишения свободы существенно препятствует успешной ресоциализации несовершеннолетних. Напротив, альтернативные лишению свободы наказания и пробация, когда они сопряжены с трудовым воздействием на осужденных несовершеннолетних, способствуют успешной ресоциализации несовершеннолетних осужденных, а также достижению других целей уголовной ответственности и наказания.

Библиографический список

1. Левшин А. Описание Киргиз-Казачьих или Киргиз-Кайсацких орд и степей. Ч. 3: Этнографические известия. Санкт-Петербург: типография Карла Края, 1832. 304 с. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/47076-ch-3-etnograficheskie-izvestiya-1832>.
2. Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система: монография. Алматы: Арыс, 2009. 401 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19780281>.
3. Уложение Российской империи о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург, 1845, 922 с. URL: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--plai/node/13654>.

4. Мельникова Э. Б. Российская модель ювенальной юстиции (теоретическая концепция) // Правозащитник. 1996. № 1 (7). URL: <http://www.hrdjournal.com/articles/561> (дата обращения: 14.11.2020).
5. Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1935. 8 апреля. № 81.
6. Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 32.
7. Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. URL: <https://qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat> (дата обращения: 18.11.2020).
8. Казахстанская правда. 2020. 10 ноября.
9. Время. 2020. 05 октября. URL: <https://time.kz/articles/risk/2020/10/05/zhizn-za-kolyuchkoj> (дата обращения: 19.11.2020).
10. Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Т. В. Кленовой. Москва: Юрлитинформ, 2019. 432 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36725933>.

References

1. Levshin A. *Opisanie Kirgiz-Kazach"ikh ili Kirgiz-Kaisatsskikh ord i stepei. Ch. 3: Etnograficheskie izvestiia* [Description of the Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisat hordes and steppes. Part 3. Ethnographic news]. Saint Petersburg: tipografiia Karla Kraia, 1832, 304 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/47076-ch-3-etnograficheskie-izvestiya-1832> [in Russian].
2. Zimanov S. Z. *Kazakhskii sud biev – unikal'naia sudebnaia sistema: monografiia* [Kazakh Biy court – a unique judicial system: monograph. Almaty: Arys, 2009, 401 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19780281> [in Russian].
3. *Ulozhenie Rossiiskoi imperii o nakazaniiakh ugovovnykh i ispravitel'nykh* [Code of the Russian Empire on criminal and correctional punishments]. Saint Petersburg, 1845, 922 p. Available at: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13654> [in Russian].
4. Melnikova E. B. *Rossiiskaia model' iuvenal'noi iustitsii (teoreticheskaia kontseptsiiia)* [Russian model of juvenile justice (theoretical concept)]. *Pravozashchitnik* [Human Rights Defender], 1996, no. 1 (7). URL: <http://www.hrdjournal.com/articles/561> (accessed 14.11.2020) [in Russian].
5. *Izvestiia TsIK Soiuza SSR i VTsIK. 1935. 8 apreliia. № 81* [Izvestia of the CEC of the USSR and of the Central Executive Committee of the all-Russian Congress of Soviets dated April 8, 1935, № 81] [in Russian].
6. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR], 1941, no. 32 [in Russian].
7. *Informatsionnyi servis Komiteta po pravovoi statistike i spetsial'nyim uchetam General'noi Prokuratury Respubliki Kazakhstan* [Information service of the Committee on legal statistics and special records of the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan]. Available at: <https://qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat> (accessed 18.11.2020) [in Russian].
8. *Kazakhstanskaia pravda. 2020. 10 noiabria* [Kazakhstanskaia Pravda Newspaper dated November 10, 2020] [in Russian].
9. *Obshchestvenno-politicheskaia gazeta Kazakhstana «Vremia» ot 05 oktiabria 2020 goda* [Socio-political newspaper of Kazakhstan "Vremia" dated October 05, 2020]. Available at: <https://time.kz/articles/risk/2020/10/05/zhizn-za-kolyuchkoj> (accessed 19.11.2020) [in Russian].
10. *Resotsializatsiia i real'noe vkluchenie v grazhdanskoe obshchestvo osuzhdennykh: monografiia. Pod red. d-ra iurid. nauk, prof. T. V. Klenovoi* [Klenova T. V. (Ed.) Resocialization and real inclusion of convicts in civil society: monograph]. Moscow: Iurlitinform, 2019, 432 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36725933> [in Russian].